

Всего за столом переговоров сошлись девять родов, однако право голоса и реальную власть удерживали лишь трое: семьи Цзян, Юэ и Фэн. Остальные же, если собрать их вместе, едва ли могли потягаться влиянием с любым из этой тройцы.

Как и следовало ожидать, в ходе обсуждения мелкие кланы хранили молчание, чутко ловя каждое движение бровей своих «старших братьев». В повседневных делах Цзянчжоу к их мнению прислушивались лишь для проформы, истинное же направление развития края определяла эта тройка.

После того как пять великих семей канули в лету, их место заняли девять новых группировок. На первый взгляд могло показаться, что общая мощь местных элит ослабла, раздробившись, но при ближайшем знакомстве становилось ясно: это лишь уловка. Крупные игроки использовали малые роды как ширму, делясь с ними крохами прибыли и выставляя их в качестве «дымовой завесы», чтобы сбивать с толку императорский двор.

Каждый год имперские инспекторы, не зная тонкостей внутреннего распределения доходов, сталкивались с поразительной изворотливостью богачей Цзянчжоу. Те никогда не являлись на встречи в полном составе, каждый раз выставляя новых людей для приёма. А поскольку инспекторы постоянно сменялись, списки влиятельных лиц, отправляемые в столицу, всякий раз выглядели иначе. Так истинная расстановка сил в Цзянчжоу годами оставалась скрытой в густом тумане интриг.

Лишь эпидемия «беременности» неожиданно заставила их всех выйти на свет. Каким бы великим ни было влияние того или иного клана, животы их глав раздувались совершенно одинаково. И чтобы не уронить достоинство перед соплеменниками, лидерам пришлось рискнуть полным разоблачением и явиться в шатёр.

В этот момент они напоминали черепах, добровольно заползших в котел. Не только Цуй Люй заметил эту странность, но и Би Хэн — тертый калач, десятилетиями лавировавший между интересами различных группировок, — сразу определил истинную иерархию присутствующих.

Словами можно было обмануть, деньгами — никогда. Тот момент, когда они начали называть суммы налоговых прибавок, стал для них актом невольного разоблачения собственных тайных закровов.

Это открытие стало, пожалуй, ценнейшим трофеем всей встречи, не считая изъятого золота в «золотом доме» Янь Сю. Би Хэн, сохраняя внешнее беспристрастие, методично фиксировал в уме их имена и отличительные черты — позже все они пополнят его секретный список, который отправится прямым ходом к престолу.

Господа Цзян, Юэ и Фэн, казалось, были готовы к такому повороту. Или, вернее сказать, каждый из них перед приходом сюда составил план на худший случай. Если бы переговоры провалились или переросли в открытое столкновение, заранее подготовленные люди

немедленно вывезли бы избранных наследников в безопасное место.

Дельцы как никто другой понимали простую истину: пока целы зеленые горы, дрова для костра всегда найдутся. Даже если они и решали стоять насмерть, то делали это лишь напоказ, заблаговременно подготовив пути к отступлению.

Когда Цуй Люй, проявив поистине львиный аппетит, не только принял от имени Би Хэна налоговые подношения, но и выдвинул требование о доле в прибыли, Фэн Чэнъэнь, вопреки своим привычкам, не вскочил с бранью. Он сидел неподвижно, а с его лица исчезла привычная маска ярости. Цуй Люй сразу понял: прежнее буйство господина Фэна было игрой на восемьдесят процентов, и лишь оставшиеся двадцать составляли его истинную суть и путь к отступлению.

Будучи сам главой рода, Цуй Люй без труда разгадал их тактику. Между «примирением» и «отходом» в их умах уже была проведена четкая черта. Если они всё ещё сидели за столом, значит, требования Цуй Люя не перешли ту невидимую границу, за которой начинался полный крах их интересов.

Цуй Люй опустил взгляд, в очередной раз поражаясь масштабам прибыли от морской торговли. Он никак не мог взять в толк: какого рода товары могут приносить столь баснословное богатство? Одной продажи морской соли было явно недостаточно для таких доходов. Значит, существовал некий тайный источник прибыли, который и давал им эту непоколебимую уверенность в своих силах.

Что же это могло быть?

Би Хэн, чьи глаза сияли при виде «золотых человечков» за столом, от возбуждения едва не сорвался на крик, но вовремя взял себя в руки:

— Ваша щедрость и величие духа поистине не знают границ! От лица империи я благодарю вас за столь значительный вклад в казну. Что же касается выбора между твердым налогом и долей в прибыли... Разумеется, я склоняюсь к последнему. Господа, как говорится, удача переменчива. Вы годами наживались на море, накопив богатства, способные поспорить с государственной казной. Я могу заверить вас от имени двора: как только мы договоримся о долях, никто не станет ворошить старые счета. Вам не нужно бояться, что империя заставит вас выплюнуть уже проглоченное. Наши взоры не столь мелочны. Давайте смотреть в будущее. Как верно заметил господин Цуй, морские просторы безграничны, и на каждом пути таятся возможности для обогащения. Мы не станем отнимать хлеб у своих, мы направим силы на то, чтобы черпать богатства извне, дабы процветали наши братья. Господа, я вовсе не пытаюсь разжалобить вас рассказами о бедах моих земляков из Хэчжоу, но наше положение поистине отчаянно. У вас здесь воды в избытке, вы тратите её как заблагорассудится. В Хэчжоу же вода стоит столько же, сколько масло. Нам нужна эта доля, чтобы прорубить каналы и напоить иссохшую землю...

Говоря о самом сокровенном, Би Хэн почувствовал, как к глазам подступают слезы:

— Мне уже за шестьдесят, через пару лет я уйду в отставку. И если мне удастся примирить торговые элиты Цзянчжоу с императорским двором, обеспечив казне этот доход, то Хэчжоу получит средства для выживания. А значит, жизнь простого народа станет хоть чуточку легче...

С этими словами он поднялся и, поднеся чашку чая к главам кланов, торжественно провозгласил:

— Позвольте мне поднести этот чай вам от лица жителей Хэчжоу в знак благодарности за ваше благородство, за вашу преданность Данин и её народу!

Кто бы ни утверждал раньше, что высокопарные речи Великого императора — лишь пустые славословия, он ошибался. Слушатели, преисполнившись чувства собственной важности и чистоты помыслов, буквально светились от удовольствия.

Великий император всегда наставлял: чиновник не должен гнушаться общения с простым людом ради его блага. Улучшение жизни народа куда важнее, чем соблюдение напускной строгости и сословного достоинства. Пустую спесь литераторов лучше оставить при себе, когда речь идет об экономике края. А если кому-то «запах меди» кажется оскорбительным для его возвышенной натуры, пусть немедленно подает в отставку, дабы не мешать развитию земель.

Потому и слова Би Хэна, лишённые и тени притворства, звучали так искренне. Дополненные его официальным чиновничьим одеянием, они трогали сердца куда сильнее любого приказа. Вместо того чтобы чувствовать на себе давление власти, присутствующие ощутили странную жалость к этому высокопоставленному, но столь преданному своему делу человеку.

«Надо же, такой большой чин, а живет в такой нужде...»

Лозунги о благородстве, не склоняющемся ради «трех доу риса», в династии Данин окончательно уступили место практичности. Нынешний император и Великий император ценили деятельных людей. Это привело к тому, что главы Министерства доходов круглый год жили в осаде региональных чиновников, готовых на любые ухищрения, лишь бы выбить обещанные средства из казны. В борьбе за серебро от книжной деликатности не оставалось и следа, и Би Хэн в этом искусстве не имел себе равных.

Атмосфера в шатре из тягостной и напряженной превратилась в почти дружескую. Все, кроме Цуй Люя, поднялись, отвечая на приветствие инспектора. И хотя никто не давал прямых обещаний, было заметно, что лед отчуждения и подозрительности растаял, уступив место сочувствию.

«Что ж, и чиновничья доля не сладка...»

Видя, как обстановка разрядилась, Цуй Люй незаметно показал Би Хэну большой палец. Своей игрой в «доброе и злое следователя» им наконец удалось обуздать этих гордецов.

Господин Цзян тоже с облегчением выдохнул. Пользуясь моментом, он решил поднять вопрос, который не давал им покоя. Смущенно сложив руки перед Цуй Люем и Би Хэном, он проговорил:

— Господин Цуй, господин инспектор... Наше... хм... затруднение с телами... Не могли бы вы попросить госпожу Ли помочь нам? Уверю вас, мы в долгу не останемся. Вознаграждение будет самым щедрым, мы и в мыслях не имеем обидеть её.

Остальные тоже наострили уши, с надеждой глядя на Цуй Люя. Тот лишь улыбнулся и жестом пригласил их к чаю:

— Разве вы не чувствуете, что вам стало легче? Разве боль не отступила?

Услышав это, господа прислушались к своим ощущениям. И действительно: режущая боль в животах незаметно исчезла, сменившись странной прохладой. Однако, коснувшись своих животов, они почувствовали, что твердые уплотнения никуда не делись.

Цуй Люй указал на их чашки:

— Госпожа Ли сейчас занята — она извлекает паразитов из тех мужчин, у которых недуг ещё не проявился в полной мере. Чтобы облегчить ваши страдания, она добавила в этот чай немного гу-клея — выделений своего молодого гу-короля. Как только она закончит там, она придет и поможет вам.

Фэн Чэнъэнь, не сдержав любопытства, спросил:

— А что это за «выделения» такие?

Он даже поднес чашку к самому носу, но, кроме тонкого чайного аромата, ставшего лишь чуть гуще, ничего не почувствовал.

Цуй Люй усмехнулся и, прищурившись, начал медленно объяснять:

— Вы знаете, как получается ласточкино гнездо? Вот и этот клей получается схожим образом, только добыть его куда сложнее.

Би Хэн, тоже разгоряченный удачной беседой, поддержал разговор:

— И в чем же сложность? Я и не знал, что у тебя припасены такие редкости.

Улыбка Цуй Люя стала еще шире:

— Молодой гу-король питается через игольчатый хоботок, высасывая самую суть крови. И то, что он выделяет... хм... это и есть его гу-клей. Обычно требуется декада или больше, чтобы эти выделения накопились и выступили на поверхности его кожи. Это напоминает корочки после оспы: когда они подсыхают и отслаиваются, мы их собираем.

Би Хэн на мгновение замер, пытаясь представить себе эту картину, но тут же тишину нарушили приглушенные звуки рвотных позывов. Он с удивлением обернулся: Фэн Чэньэнь, зажав рот руками и обхватив живот, позеленел от отвращения.

Господа Цзян и Юэ тоже едва сдерживались — описание Цуй Люя было слишком живым. Чем больше они представляли, тем сильнее подкатывала тошнота. А Цуй Люй, словно невзначай, добавил:

— Только не вздумайте выплеснуть это. Такое средство по крупицам собирается неделями. Это лучшее лекарство от боли в животе: вырвет — и всё, больше не будет.

«Струпья от оспы...» — Би Хэн тоже почувствовал, как в желудке что-то шевельнулось.

Цуй Люй с нескрываемым удовольствием наблюдал за их мучениями. Он про себя усмехался: «Какие еще фекалии гу? Это всего лишь слюна. Но пусть помучаются — это им месть за то, что равнодушно пришли на свадьбу Ли Янь, когда её пытались выдать замуж силой».

Осеннее солнце садится рано. В шатёр они вошли в полдень, и за долгими разговорами время пролетело незаметно. Из-за болей в животе никто не притронулся к еде, и когда напряжение переговоров спало, все внезапно почувствовали голод.

Цуй Люй взглянул наружу и кивнул Цуй Чэну. Тотчас в шатер вереницей потянулись слуги, расставляя на столе блюда. Среди прочего, на столе красовалось несколько тарелок с запеченными цыплятами.

Внутри шатра зажгли свечи, залив пространство ярким светом. На пристани же, вдоль всего берега, один за другим вспыхивали костры и факелы. Отражаясь в воде, они создавали впечатление торжественности и мощи, а флаги имперского инспектора, развевающиеся на ветру, внушали невольный трепет даже самым дерзким из банды речных перевозок.

Би Хэн оставил половину своих людей охранять поместье Янь Сю, а с остальными прибыл на пристань. Вместе с нанятыми Цуй Люем людьми здесь собралось около трех сотен человек. Если добавить к ним свиту девяти господ, то вся пристань была буквально запружена народом.

Столь грандиозное зрелище и россыпь огней не могли остаться незамеченными на другом берегу — в управе Баочуань.

Там, после того как Би Хэн переправился через реку, известий от него не было. Чиновники

пребывали в смятении, не зная, как докладывать об этом в столицу. Но когда ночное небо озарилось огнями на том берегу, а силуэты сотен людей стали видны даже сквозь тьму, Лоу Вэньюй, едва успевший лечь в постель, был немедленно разбужен. Не успев даже накинуть верхнюю одежду, он в одних домашних туфлях помчался на смотровую площадку у воды.

Было в этом нечто нелепое: в месте, столь тесно связанном с рекой, не строили причалов, а возводили смотровые башни. Формально на обоих берегах правили слуги одной империи, но местные жители боялись своих же «соседей» больше, чем лесных разбойников.

Страх перед «водными обезьянами» и речными пиратами заставил людей разобрать пристани и уйти подальше от берега, оставив лишь смотровые вышки для охраны.

Лоу Вэньюй взлетел по ступеням башни и выхватил из рук подчиненного импортное дальнозоркое зеркало. Настраивая фокус, он лихорадочно допрашивал:

— Только костры и факелы? Людей видно? Когда это началось?

Подчиненный, почтительно склонившись, ответил:

— Вспыхнуло сразу, как стемнело. Я проверил: там выставили флаги инспектора Би, но его самого не видать. Да и людей из его свиты почти нет — в основном какие-то типы в лохмотьях, похожие на речную банду.

Лоу Вэньюй смотрел в окуляр, и его сердце уходило в пятки. «Неужели банда речных перевозок захватила инспектора? Огни на берегу — это вызов? Всё пропало...»

Он правил в Баочуани уже семь лет, и каждый период с конца года до начала нового был для него временем непрерывной тревоги. Пока другие праздновали, он следил за каждым всплеском на реке. Стоило кому-то попытаться переплыть её, он тут же выставлял лучников. И неважно, прибывало к берегу труп или живого человека — это всегда означало начало очередного витка противостояния с тем берегом.

Иногда он сомневался в правдивости легенд о Великом императоре. То, что творилось в Цзянчжоу, совсем не вязалось с тем образом грозного полководца, который он помнил по рассказам из Северных земель. Там Великого императора знали как человека, не терпящего угроз. В любой другой провинции за такое дерзкое поведение уже давно бы летели головы.

Впрочем, свои сомнения он держал при себе — иначе отец задал бы ему трепку. Для отца Великий император был божеством: без его поддержки Лоу-старший так и остался бы праздным повесой, а их род пришел бы в упадок. Именно Великий император заметил в отце дар красноречия и умение плести софизмы, отправив его в посольскую миссию к Лянцзянам. Так из повесы вырос высокопоставленный чиновник Министерства ритуалов, а семья Лоу укрепилась в политической элите.

Клан Лоу был одной из опор новой династии, всегда готовый выступить по первому зову. Баочуань занимала ключевое положение на водных путях, и официально её возглавлял один из генералов императорского рода — У Имин. Лоу Вэньюй же служил при нем помощником, ведя гражданские дела.

Во всей Поднебесной только в Баочуани главой области был военачальник, имеющий право командовать войсками трех соседних провинций. Это был щит, готовый в любой момент обрушиться на Цзянчжоу, если те вздумают поднять мятеж.

Иногда, устав от выходок соседей, Лоу Вэньюй даже желал, чтобы они зашли слишком далеко. Тогда генерал смог бы собрать полки и наконец-то переправиться через реку. Но богачи Цзянчжоу мастерски чувствовали грань: они пакостили ровно настолько, чтобы вызывать глухое раздражение, но не давать повода для войны. Это бесило невероятно.

Внезапно Лоу Вэньюй замер. Он резко вернул телескоп к тому месту, которое только что пропустил. На деревянном помосте стоял человек в доспехах императорской стражи и ритмично размахивал маленькими флажками. Внимательно присмотревшись, Лоу Вэньюй понял: это флажные сигналы императорской армии. Движения были четкими, профессиональными — это не была попытка обмана.

Лишь то, что он вырос в Северных землях, позволило ему узнать этот шифр, который раньше использовали исключительно северные легионы для передачи приказов во время боя.

Лоу Вэньюй схватил подчиненного за плечо:

— Быстрее! Беги к генералу У! Передай: инспектор Би велит собирать людей и готовиться к переправе... Постой! Назад! Сначала к берегу — вели лучникам убрать арбалеты, пусть не вздумают стрелять по своим!

Ошарашенный слуга кубарем скатился с башни. Осознав приказ, он со всех ног бросился к реке. Юркнув в заросли камыша, он подал сигнал — подражая крикам птиц и насекомых, — а затем громко прошептал:

— Сейчас пойдут лодки с того берега. Спрячьте арбалеты, чтобы никто не заметил. Господин Лоу приказал не стрелять — это гонцы от инспектора Би.

Раздав указания, он помчался в город, напрямик в резиденцию главы области:

— Генерал! Генерал! На том берегу движение! Господин Лоу говорит, инспектор Би просит вас собирать войска для переправы...

У Имин в это время лениво листал книгу. Это был новыйуся-роман о мастерах боевых искусств, который ему привезли из Северных земель. Он как раз погрузился в приключения главного

героя, когда дверь с грохотом распахнулась и в комнату ворвались с невероятными вестями. От неожиданности он даже не сразу понял смысл сказанного, лишь глупо переспросил:

— А?

Прибывший, опустившись на одно колено, повторил донесение. На этот раз У Имин всё осознал. Он мгновенно вскочил с кушетки и сорвал со стойки свой клинок:

— Живо! На смотровую башню!

Но не успели они вывести коней, как со стороны городских ворот, ведущих к Северным землям, пронеслась группа всадников. Кони под ними были взмылены, воины сжимали в руках длинные мечи. Осадив скакунов перед резиденцией так, что те встали на дыбы, всадники смерили У Имина ледяными взглядами.

— Собираешься выступить? — раздался властный голос.

У Имина словно громом поразило. Он поспешно склонился в поклоне, придерживая меч:

— Министр Ван, что привело вас в Баочуань?

Ван Тинлань спрыгнула с коня. Её свита из двадцати человек слаженно последовала её примеру.

— Встань, — бросила она. — Без лишних церемоний.

У Имин выпрямился, расплывшись в широкой улыбке:

— Тётушка Ван, какое дело заставило вас лично покинуть Северные земли?

Ван Тинлань, нахмурившись, не стала отвечать на вопрос. Вместо этого она спросила:

— Есть вести о Цзи Байлин? И была ли с ней девушка по имени Ли Янь? Ты их видел?

У Имин на мгновение задумался и почесал затылок:

— Самих не видел, но знаю, что они проезжали здесь. В то время я как раз инспектировал лагеря в Цзинбэе. А что случилось? Что-то не так?

Ван Тинлань крепче сжала рукоять меча и покачала головой:

— Не знаю. Я получила... срочное письмо от той высокой особы. Говорят, Ли Янь могла попасть в беду. Я написала в столицу, оттуда ответили, что она сопровождает Цзи Байлин в официальной поездке. Так я и вышла на твой след.

У Имин немедленно предложил:

— Тогда едем к Лоу Вэньюю. Он наверняка знает, куда они направились.

Так Лоу Вэньюю на смотровой башне внезапно увидел двух человек, которых никак не ожидал встретить. Он изумленно воскликнул:

— Тётушка Ван, как вы оказались в Баочуани?

Ван Тинлань окинула его коротким взглядом и кивнула:

— Твоя мать просила приглядеть за тобой. Передам ей, что ты в добром здравии.

Лоу Вэньюю состроил кислую мину, но тут же услышал вопрос:

— Ты видел отряд Цзи Байлин? Хм, и ещё Цю Саньдао — в столице говорят, он покинул город вместе с ней.

— Цю Саньдао я видел. А что, Байлин тоже была здесь? Её я не заметил, — Лоу Вэньюю в замешательстве почесал макушку.

Вся их компания была родом с Севера, и разница в возрасте была невелика. Любой, кто вырос в трех северных провинциях, знал друг друга в лицо. Цзи Байлин, вечно выискивающую чужие огрехи, он недолюбливал еще с детства, но поделаться с ней ничего не мог. Он старался обходить её десятой дорогой — не из страха, а просто не желая связываться. Поэтому они почти не общались, хотя он знал, что Цю Саньдао, вопреки здравому смыслу, влюблен в эту девчонку.

Морщинка на лбу Ван Тинлань стала еще глубже, она плотно сжала губы. Только получив секретное послание, она узнала, что эта девочка, Ли Янь, — та самая Святая дева Цзиннаня, которую лично выбрал мастер Цзо. В резиденции маршала У поднялся переполох, когда узнали о её исчезновении, и никто не ожидал, что Цзи Байлин осмелится увезти её так далеко от Севера.

Тут из группы воинов вышла женщина. Глядя на Лоу Вэньюю, она произнесла:

— Вспомни хорошенько: не упоминал ли Саньдао о Байлин? Вэньюю, дело крайне серьезное. Наша семья Цзи не переживет такого позора. Прошу тебя, помоги.

Лоу Вэньюй, узнав её, поспешно отступил в сторону, уклоняясь от поклона:

— Тётушка Цзи, я правда не слышал от него ни слова о Байлин. Он только... Погодите-ка...

Все взгляды мгновенно скрестились на нем. Лоу Вэньюй хлопнул себя по лбу:

— Теперь-то я понимаю, почему Саньдао вел себя так странно! Он пришел в город и просил у меня обычную одежду для охраны, а еще расспрашивал о лавках готового платья. Потом, когда я был на обходе, хозяин одной из лавок жаловался, что к нему зашел какой-то чудной военный: набрал кучу женской одежды и велел перешить её — подогнать форму стражи под малый рост.

Ван Тинлань положила руку на плечо порывавшейся засыпать его вопросами Цзи Чжэнь:

— Чжэнь-эр, мы договаривались: слушай меня. Отойди.

Цзи Чжэнь, подавляя волнение, едва заметно кивнула:

— Да. Прошу прощения, я не сдержалась.

Ван Тинлань снова повернулась к Лоу Вэньюю:

— Ты знаешь, куда направился Цю Саньдао? Он называл цель?

Лоу Вэньюй замялся, снова почесал голову и приглушил голос:

— Он говорил, что собирается в Цзянчжоу... Мол, хочет проучить тамошних спесивых богачей, возомнивших себя хозяевами жизни...

Он сам тогда горячо поддержал эту затею. Даже хотел поехать вместе с ним. На прощание он еще советовал Саньдао, если будет возможность, просто перерезать глотки этим наглецам, чтобы император не печалился, а сам Лоу не торчал годами в Баочуани.

«Всё, дело плохо... Раз уж две такие важные особы покинули Север, да ещё и это секретное письмо... Что же за беда случилась, раз тётушка Ван выглядит такой суровой?»

У Имин вставил свое слово:

— Странно всё это. Если Цзи Байлин и остальные добрались до станции Шилитай, им не было смысла не заезжать в город. Вэньюй, неужели Саньдао, кроме одежды, больше ничего не сказал?

Лоу Вэньюй выпучил глаза, а У Имин продолжал:

— Мои гвардейцы как раз проезжали мимо станции, когда они там остановились. Пусть я и был в лагере Цзинбэй, но я знал, что она добралась до Баочуани. Так почему она не вошла в город?

Когда они сопоставили все детали, картина стала совсем мрачной. Лицо Цзи Чжэнь побледнело. Если раньше она еще на что-то надеялась, то теперь ей оставалось только молить небеса:

— Неужели они все попали в беду? — Она со скрежетом зубным добавила: — Этот Цю Саньдао... Как он мог затащить их в Цзянчжоу? Разве он не знал, что туда соваться нельзя?

Ван Тинлань попыталась её успокоить:

— Не паникуй раньше времени. Байлин всегда была осторожной. Если она решилась взять с собой Янь-эр, значит, была уверена, что сможет её защитить. Когда найдем их, заставим её переписывать книги в наказание. Та особа не станет гневаться по пустякам.

На самом деле она не разделяла этого оптимизма. Та особа никогда не поднимала шум на пустом месте, и если уж она встревожилась — значит, дело действительно серьезное. Сейчас оставалось лишь одно: найти детей до того, как этот господин прибудет сюда лично.

Пока они говорили, дежурный на башне внезапно закричал:

— Господин Лоу! Смотрите! Лодка! Там действительно идет лодка!

Лоу Вэньюй хлопнул себя по лбу и, схватив У Имина, бросился к берегу:

— Быстрее! Инспектор Би подал нам сигнал! Он прислал лодку. Вели своим не стрелять — это наши!

У Имин бежал еще быстрее. В мгновение ока он оказался у самой кромки воды. Из темноты, словно стрела, вылетела легкая лодка. На дне её, пригнувшись, сидели двое. Лишь когда они увидели, что лучники опустили оружие, они осмелились поднять головы. И тут же их глаза расширились от изумления при виде толпы, встречающей их на берегу.

В шатре Цуй Чэн, улучив момент, когда подавали новые блюда, подал знак Цуй Люю. Тот, делая вид, что подливает чаю Би Хэну, едва слышно прошептал:

— Лодка ушла. Наши подали сигнал: гонцы благополучно достигли берега.

Би Хэн на мгновение опустил голову. Его глаза увлажнились. Чтобы скрыть волнение, он принялся жадно пить чай. Господа, увлеченные зрелищем извлечения паразитов, не обратили внимания на их поведение. Все взоры были прикованы к Фэн Чэнъэню, который под руками Ли Янь едва не лишился чувств от боли. Те, кто стоял в очереди, в ужасе пятились назад, стараясь оказаться в самом конце.

Зрелище было не для слаонервных.

Ли Янь же, сохранив на лице невинную улыбку, лишь сокрушенно вздыхала:

— Эх, затянули вы... Оболочка личинки уже начала срастаться с плотью. Если бы позвали меня пораньше, не пришлось бы так страдать. Но, считайте, вам еще крупно повезло! Еще пару часов — и даже я была бы бессильна.

Она только что прибыла из города. Весь день она провела там, избавляя от напасти мальчишек и тех, кто в ту роковую ночь был слишком пьян для любовных утех. К вечеру она обработала уже около тысячи человек, но, по её расчетам, пострадавших было гораздо больше. Наверняка многие решили затаиться, надеясь на чудо.

Цуй Люй считал свой долг выполненным — он оповестил всех и организовал помощь. За последствия чужого выбора он ответственности не нес. Ли Янь работала до сумерек, отдавая все силы, и если в будущем кто-то посмеет использовать этот инцидент для нападков на них — что ж, вины их в том не будет.

Пользуясь заминкой, пока Ли Янь принимала пациентов, Цуй Люй велел господам отправить слуг за банковскими билетами. Его девиз был прост: сначала серебро, потом исцеление. И пусть его не винят в излишней подозрительности — суммы были слишком велики. Он опасался, что, придя в себя, эти лисы пожалеют о деньгах и заставят выбирать между «добровольным налогом» и долей в бизнесе.

Он не был дураком: если можно получить и то, и другое, зачем ограничиваться чем-то одним? Так что порядок был строг: деньги на стол — червя вон. А доля в деле — это уже тема для отдельного разговора.

Цуй Люй внимательно следил за тем, как они расстаются с деньгами. То, как небрежно они швыряли банковские билеты на огромные суммы, подтверждало его догадку: для них это были сущие крохи. Они даже не морщились от жадности.

«Только тот, у кого за спиной золотые горы, может так не ценить серебро», — подумал он. Этот вывод был особенно весом в устах человека, знавшего цену каждой монете.

Цуй Люй замер, обдумывая эту мысль снова и снова. Если они действительно открыли золотую или серебряную жилу где-то за морем... это объяснило бы их невероятную спесь.

Но как заставить их проговориться?

Он потер подбородок, переведя взгляд на тех глав родов, что жались в конце очереди. Те, кто не имел права голоса, кем помыкали, словно марионетками... Наверняка в их душах копилась глухая обида и жажда перемен.

Пока он размышлял, в проеме шатра показался Цуй Чэн. Получив разрешение войти, он приподнял полог, и Цуй Люй увидел своего старшего сына. Лицо Юаньи было бледным от тревоги.

Нахмурившись, Цуй Люй поднялся и, ободряюще коснувшись плеча Би Хэна, направился к выходу:

— Я скоро вернусь.

Би Хэн проследил за ним взглядом. Увидев Цуй Юаньи, он невольно восхитился: вылитая копия своего отца!

Едва Цуй Люй вышел из шатра, сын бросился к нему, оглядывая с ног до головы:

— Отец, вы в порядке? Я... я увидел, что охраны в доме стало меньше, а господина Чэна нигде нет... Я испугался и самовольно покинул поместье...

Цуй Люй жестом пресек его оправдания:

— Говори по делу.

Юаньи сглотнул и понизил голос:

— Пятый брат исчез. Вместе с Байюанем. Пятая невестка сначала пыталась скрыть это, но когда они не вернулись к сроку, во всем призналась. Говорит, они полезли на гору Юньянь и увидели с середины склона, как мимо проходит корабль. Им стало любопытство, и ночью, когда судно встало на якорь, они вплавь добрались до него. И... и пропали.

Цуй Чэн, стоявший рядом, повинулся:

— Господин, это моя вина. Уходя, я не оставил людей приглядывать за молодыми господами.

Цуй Люй велел ему замолчать и снова обратился к сыну:

— Ты знаешь, откуда пришел этот корабль?

Юань ответил без тени сомнения:

— Из города. Я расспросил арендаторов и родичей, видевших паруса — все говорят, что судно шло со стороны Цзянчжоу.

Линь Лифу упоминал: с тех пор как инспектор Би прибыл в Цзянчжоу, все крупные корабли встали на прикол. Все, кроме одного — судна для перевозки рабов, идущего к острову Дунсан. Оно должно было покинуть порт на днях.

Стало быть, Пятый и Байюань угодили именно на этот корабль.

Цуй Люй гневно сдвинул брови. Линь Лифу уже увел своих людей в погоню — ведь на том же судне была его сестра. Он ни за что не позволил бы её увезти.

Но была одна проблема: ни Линь Лифу, ни его люди не знали Пятого и Байюаня в лицо.

— У Фан, — позвал Цуй Люй, — бери двоих людей. В погоню!

<http://bllate.org/book/16118/1588541>